

Г е р т р у д а . Я выпью за твою победу, Гамлет.

Г а м л е т . Благодарю.

К л а в д и й . Гертруда, стой, не пей.

Г е р т р у д а . Прошу прощения, милорд, я выпью.

К л а в д и й . Вино отравлено — я опоздал...

Вильям Шекспир. «Гамлет»

Не пей вина, Гертруда, —

Пьянство не красит дам.

Нажрешься в хлам —

И станет противно

Родственникам и друзьям...

Борис Гребенщиков. «Не пей вина, Гертруда»

Опять ей приснился Алеша. Слишком часто стал сниться... Главное, что радостным таким был во сне, улыбочивым. И говорил что-то. Вспомнить бы еще, что говорил... Всегда так и бывает — проснешься, а деталей увиденного сна вспомнить не можешь! Обидно.

Открыла глаза, потянулась, приподняла голову с подушки, глянула в окно. Хотя можно было и не глядеть. И без того понятно — ничего за окном не изменилось. День опять будет хмурым, солнца на небе не видно. И само небо такое... Будто депрессивным художником намазанное серыми и белыми красками. Небрежные такие мазки, сердитые... Будто этот художник настроение на людях выместил — нате вам, нате! Не будет никакой небесной лазури, не будет солнца! Так живите, без солнца! Ишь, чего захотели! Берите, что дают, и радуйтесь!

Вздохнула, снова закрыла глаза. Надо все же вспомнить, что во сне говорил Алеша. Ведь явно что-то говорил, как она могла не запомнить? И по имени ее называл... Мол, ты что, Ладка...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Лада, Ладушка... Я же с тобой говорю, а ты не слышишь! Я же твой Алеша, я здесь, с тобой!

И вдруг вспомнила. Вернее, услышала, как Алешин голос звучал. И поняла, что он хочет ей сказать. Вот глупая, как же она сразу не догадалась, как могла забыть! Сегодня же пятое сентября, у Алеши година! Он же в этот день погиб... Ей тогда девятнадцать вот-вот должно было исполниться... И вот уже тридцать один год прошел... Был бы у Алеши тоже в этом году юбилей...

Да, был бы... И жизнь была бы другая. Если б Алешу в Афганистане не убили. Если бы их ребенок жив был... Алеша отслужил бы в армии, вернулся, воспитывали бы дочку или сына... Она ведь поняла, что беременна, когда Алешу уже забрали. Писала ему и представляла, как он ответит: «Люблю, Ладка! Так рад! Счастлив! Я ж тебе говорил, что надо было перед призывом до загса добежать! А ты! Я говорил, говорил!» — сплошь одни восклицательные знаки.

Но ответа Лада так и не получила. Через три месяца Алешу убили. А она... Она, сволочь такая, пошла и ребеночка их тоже убила...

И нет ей за это оправдания, что ж. Да и бог уже наказал — после так и не забеременела. Пустоцветом жизнь прожила. Хоть и замужем. И нечего себе оправданий искать, что в то время по-другому не получилось бы... Мол, не от нее все зависело... Иногда обстоятельства скла-

Не пей вина, Гертруда

дываются так, что ты плывешь по ним, как щепка по волнам, и не знаешь, к какому берегу тебя прибьет. Не знаешь, не знаешь...

Наверное, печальная эта мысль и дальше пошла бы по знакомому пути и привела к слезам, да телефонный звонок отвлек вовремя. Напомнил, что она в другой жизни живет. В той жизни, где на звонок надо обязательно отвечать. Где надо давно уже вскочить с постели и приступить к своим обязанностям. Потому что их много, обязанностей-то. И дел невпроворот. Как всегда...

— Лада Викторовна, доброе утро... А вы когда приедете, Лада Викторовна? Простите, что я вас беспокою...

Анин голосок звучал тревожно и в то же время довольно требовательно. Видимо, и впрямь что-то случилось, иначе бы не стала звонить, сама бы справилась. Она девушка деловая.

— Что случилось, Ань, говори?

— Да тут опять этот проверяющий из трудовой инспекции ко мне пристаёт... Сегодня наши трудовые книжки смотрит, и именно к вашей привязался. Говорит, запись у вас неправильная.

— Вот те раз! Чем это она неправильная? Уже больше двадцати лет назад сделана, не одну проверку пережила и стала вдруг неправильная! С какого вдруг перепугу-то?

— Так и я ему то же самое толкую, Лада Викторовна... Всегда такая запись была...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А он... Еще он говорит, что и в бухгалтерских документах мы неправильно вас пишем... Что надо писать не директор магазина Любимова Лада Викторовна, а заведующий торговым объектом Любимова Лада Викторовна! Представляете? Я вообще в шоке... Даже не знаю, что ему говорить! Может, вы сами с ним объяснитесь, а? Когда вы приедете, Лада Викторовна?

— Хорошо, Ань... Я через час буду. Разберемся, не волнуйся.

Отложила телефон в сторону, вздохнула, закрыла глаза... Боже, как не хочется вставать и входить в эту суетную и беспокойную жизнь! И хорошо бы хоть один день делами не заниматься... Посвятить этот день Алеше, година все-таки... Но ведь не получится, это ясно. Надо вставать с постели, надо жить. Исполнять директорские обязанности. Хотя, как только что выяснилось, они вовсе и не директорские, а... Как Аня сказала? Она не директор продуктового магазина, а заведующий торговым объектом? Хотя какая, по сути, разница... Хрен редьки не слаще, как говорится.

Да, и надо Якову про это сказать. Теперь он имеет в собственности не три магазина, а три торговых объекта. Вот так-то, дорогой муж...

Муж, с которым она давно не спит в одной постели. Муж, который живет сам по себе в городской квартире, а она сама по себе здесь, в доме. Так получилось, что ж. Не сразу, с го-

Не пей вина, Гертруда

дами... Все супруги с годами разбегаются по отдельным берлогам, это понятно. Если такая возможность есть. А если нет возможности, так и маются до конца жизни в одной берлоге, толкуются в ней, злобясь друг на друга.

Да, у них с Яковом есть такая возможность — быть в браке и жить отдельно. Вроде и вместе, и не вместе. К возрасту каждому своя территория требуется, чтобы в ней быть самому по себе. Такое вот благо, что ж...

А дом свой она любит, очень любит. Он только ее знает, чужаков не терпит. Как не терпит ее долгого присутствия городская квартира. Она Якова больше любит...

С первого этажа потянуло вкусными запахами чего-то печеного — опять Татьяна Васильевна с утра изгаляется, хочет поразить ее воображение кулинарными изысками. Вот неудобно, ей-богу! Ну зачем она...

Татьяну Васильевну навязала ей мама, почти силой. Приспичило ей пристроить соседку-приятельницу на хлебное место, всю душу ей вынула просьбами. Мол, Танечке надо детям помочь, надо внуков поднять... А ты, Ладушка, хорошо ей платить будешь, я знаю. Уж как она сопротивлялась, мама и слышать ничего не хотела!

— Ну как, как она у меня в прислугах будет жить, мам, ну сама подумай, а? Я ж эту Татьяну Васильевну с детства знаю... Да я даже сказать

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ей ничего не смогу! Я ее боюсь! Она ж у меня в школе физику преподавала! Такая строгая была училка... страсть!

— Ну когда это было... От прежней строгости у Танечки уж ничего не осталось. Жизнь выбила всю строгость, как палками из ковра пыль выбивают. Сама ведь знаешь, она уж давно на пенсии.

— Тем более! Ей же тяжело будет ко мне на другой конец города ездить!

— Ну уж и город... Невелик наш город, чтобы с одного конца на другой трудно было доехать. Давай, Ладка, не воображай, сделай хорошее дело для человека! Знаешь, как Танечке деньги нужны? Ей надо одному внуку с ипотекой помочь, другому внуку с учебой... Он балбес у нее вырос, на бюджетное отделение так и не смог поступить. Ой, да она ж радехонька будет у тебя поработать, что ты! Кто еще пенсионерку на такое место возьмет? Не в уборщицы же ей идти... Она меня уж сколько раз просила, чтобы я с тобой поговорила насчет нее!

— Ну не знаю, мам... Я и сама неплохо справляюсь, в прислуге совсем не нуждаюсь...

— Да что ты заладила — прислуга, прислуга! Не прислуга, а помощница по хозяйству! Знаешь, как Танечка вкусно готовит? Да ты мне потом еще спасибо скажешь, я просто уверена! А про Танечкин возраст не думай, она еще вполне себе ничего, очень даже резвая. Да это

Не пей вина, Гертруда

и хорошо даже, что у нее возраст солидный... Молодуху-то хуже в дом брать, сама понимаешь!

— А чем хуже молодуха, мам?

— Чем-чем... Твой-то муженек дорогой в том сейчас возрасте, что от него всего ожидать можно... Седина в бороду, бес в ребро! Как раз в этом возрасте у мужиков башку и сносит относительно молодух, не хотят стареть, изо всех сил сопротивляются!

— Да ну, мам... Не говори ерунды. Будто ты Якова не знаешь. Ему кроме своих магазинов ничего больше не интересно в этой жизни.

— А я бы на твоём месте не была такой уверенной! Чего ты вдруг расслабилась-то?

— Да я и раньше не напрягалась особо...

— Ну и зря! То-то я смотрю, вы по разным местам живете... Ты в доме обосновалась, он — в городской квартире! Смотри, Ладка, вокруг него много всяких молодых девок вьется! И всем охота свой кусок от жизни урвать! Думаешь, никто из молодух на Яшу не обзарится, что ли? Да нынче они все хорошо жить хотят, молодухи-то. Им без разницы, сколько лет мужику, лишь бы содержал прилично. Вот о чем я тебе толкую, Ладка. А ты слушай мать, слушай... Бери в дом Танечку, не прогадаешь!

В общем, бесполезно было спорить. Да и никогда она маму переспорить не могла. Такой уж характер... Вот теперь и приходится неудоб-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ство это терпеть, будто она бессовестная барыня Салтычиха, которая нещадно эксплуатирует бедную пожилую женщину.

Вкусный запах, казалось, совсем перебрался к ней в спальню, словно требовал приличий — мол, хватит меня игнорировать, вставай быстренько, спускайся, прояви вежливость к первоисточнику! То есть к кулинарным способностям Татьяны Васильевны вежливость прояви... Старается же человек, чего ты!

И ведь не объяснишь этому первоисточнику, что это своего рода насилие. Что вовсе не нужен ей вкусный завтрак, к тому же свежее испеченный... Это ж наверняка бешеные калории! При ее-то лишнях килограммах...

Ладно, придется смириться. Все равно надо вставать, надо поторапливаться. Дела зовут, заботы.

В ванной долго рассматривала лицо. Такое оно было... Будто не выспавшееся. Из-за погоды, наверное. Хмурое утро, лицо тоже хмурое. И Татьяна Васильевна это заметила, кстати...

— Доброе утро, Ладочка! Чего-то ты бледненькая сегодня такая... Плохо выглядишь... Не выспалась, да? Неважно себя чувствуешь?

— Все хорошо, Татьяна Васильевна. Нормально я себя чувствую.

— Ну-ну... А я вот тебе пирожочки с творогом испекла, такие вкусные получились! По-

Не пей вина, Гертруда

ешь, и сразу румянец появится! И чаек с травками заварила...

— Я бы кофе лучше выпила, Татьяна Васильевна.

— Что ты, Ладочка, что ты! Кофе в твоём возрасте уже вредно! Это дурная привычка — по утрам кофе литрами хлебать, от нее отвыкать надо!

— А я не хочу отвыкать, Татьяна Васильевна. Я кофе хочу.

Наверное, это как-то нехорошо у нее сейчас прозвучало. Вроде того — отстань от меня со своим чаем с травками и с советами отстань. Я тут хозяйка, я делаю все, что хочу. И раз уж пошла такая пьянка, то и про вкусные пироги с творогом надо тоже сказать... Чтобы навсегда упредить эти утренние печеные вкуسنости-ползновения!

— Я обычно чем-то легким завтракаю, Татьяна Васильевна. Овсянкой на воде, например. Или салатиком. Не наедаюсь с утра.

— Да-да, Ладочка, я услышала, я поняла тебя, да... Больше не буду... Понимаю, ты фигуру свою бережешь...

— Да было бы что беречь, Татьяна Васильевна!

— Ну что ты... Зря ты так о себе! Ты еще очень даже... Для своих лет вообще прекрасно выглядишь! Тебе ведь скоро пятьдесят, да?

— Да. Очень скоро. Через две недели уже.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой! Так это ведь надо будет большой стол накрывать! Гостей-то много будет, я думаю?

— Не знаю еще... Но накрывать стол не потребуется. Я думаю, мы в кафе отмечать будем.

— Да? Жалко... Уж я бы с угощением расстаралась... Да разве в кафе могут так вкусно приготовить, Ладочка? Ведь нет?

— Могут, Татьяна Васильевна. Еще как могут.

— Ну, не знаю, не знаю... Наверное, я старыми понятиями живу. Раньше всегда юбилеи дома справляли, и ничего... Ой, да что ж я болтаю попусту, тебе ж кофе сварить надо! Я сейчас, я быстро... И салатик тоже нарежу...

— Да не надо салатик, я пирог съем. Я тороплюсь, мне давно уже пора из дому выйти. Сегодня вот только задержалась...

Быстро выпила кофе, съела пирог. Очень вкусный, кстати. О чем и сообщила Татьяне Васильевне, вставая из-за стола. И быстро пошла наверх одеваться. Быстро, быстро! Там Аня уже вся изнервничалась, наверное...

* * *

Дорога от дома была такой знакомой, что можно ехать, закрыв глаза. По крайней мере, не напрягаться лишним вниманием. И думать можно. И вспоминать... Сегодня ведь памятный день, даже положено так. И душа Алеши-

Не пей вина, Гертруда

на где-то рядом летает. Может, в машине сидит, на переднем сиденье.

От этой мысли напряглась немного, расправила плечи, улыбнулась. Пусть Алеша видит ее такой — улыбающейся. Ему ж наверняка хочется, чтобы она счастливо жила. Он же ее так любил...

И она его любила. С первого класса. Вполне ясно осознавала, что любит. Они и были неразлучны с первого класса, с тех пор как сели за одну парту. И близость у них получилась довольно ранняя, чего уж там... И планы строили на дальнейшую жизнь счастливые. Чтоб вместе, чтоб семья, чтоб много детей. А после того, как Алеша из армии вернется, чтоб непременно свадьба была. И белое платье, и машина с пупсом на капоте, и застолье широкое. И даже беременность она восприняла как вполне счастливое событие. Алеша уже два месяца далеко от нее был, а она поняла, что беременна...

И мама тоже поняла. И всплеснула руками, запричитала:

— Господи, Ладка, да что ж ты у меня глупая такая... Подождать не могла, что ли? Тебе ж восемнадцать всего! В институт не поступила, а пузо себе добыла, ума хватило! Что ж теперь делать-то будем, а?

— Да я на следующий год поступлю, мам... Подготовлюсь хорошо и поступлю!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да! Куда ты с дитем на руках поступишь? Кто ж с ним нянчиться будет, скажи? Я не могу, я работаю... А Лидка мала еще, ей только четырнадцать будет... Иль ты сразу на меня и на младшую сестру рассчитывала?

— Да ничего я не рассчитывала, мам...

— Вот то-то и оно, что не рассчитывала! А надо было все рассчитать-то! Не бежать впереди паровоза! Еще и не факт, что Алеша твой обрадуется, когда узнает!

— Он обрадуется, мам. Я знаю. По-другому просто быть не может.

— Ладка, Ладка... Ну вот что у тебя в голове творится, а? Молодая девка еще, и уж замуж невтерпеж оказалось! Так невтерпеж, что матери в подоле принесла! Ой, господи божечки, да что ж это такое, беда на мою несчастную голову... Сколько лет без мужа вас с Лидкой поднимаю, силы мои на исходе, а ты мне такой подарочек преподнесла! Хоть бы о матери подумала, бессовестная! Мать-то не семижильная, чтобы все на себе тащить! Где я сил столько возьму, из колена выколю? Ой, беда, беда...

— Мам, ну не надо! Разве можно так про ребенка говорить, что он беда? Это ж внук твой... Или внучка...

— А чем кормить внука или внучку станем, а? Ты подумала? Да тебя ведь даже на работу никто не возьмет, с пузом-то!

Не пей вина, Гертруда

— Нет еще никакого пуза, мам... Не видно еще...

— Ну, хоть не видно... и то ладно. Надо тебе быстрее работу какую-нибудь найти, Ладка. Чтоб декретные выплатили хотя бы...

— Да, мам. Я устроюсь куда-нибудь, я уже думала.

— Надо же, думала она! И что ж ты надумала, интересно?

— Не знаю пока. Если б меня еще не тошнило все время и голова бы не кружилась...

— А ты как хотела, интересно? Думаешь, так просто детки даются, да? Ничего-ничего, привыкай... И через тошноту придется работать, и через головокружение. Так, чтобы не догадался никто раньше времени.

Мама вздохнула, помолчала немного, потом проговорила задумчиво:

— Ладно, переговорю я со знакомыми насчет работы для тебя... Может, и найдется что подходящее, чтобы в тепле, не на морозе... Не на стройку же тебя отправлять, в самом деле...

Уже через неделю мама, придя с работы домой, заявила ей прямо с порога:

— Ладка, завтра на работу выходишь, я договорилась!

— Куда, мам?

— Продавцом в магазин... Правда, первый месяц только на обучении будешь, потом уж по-настоящему...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А в какой магазин?

— В новый. В центре города открывается. Продуктовый какой-то, новомодный. Говорят, там все как-то по-особому будет. Мужик, который магазин открывает, специально в Америке был, чтобы поглядеть, как там у них в магазинах все устроено. Теперь вот продавцов набирает! Причем исключительно молодых и красивых девок, у него прямо конкурс там... А моя сослуживица Фаина Марковна с ним в соседях живет, вот и похлопотала за тебя, ага. Я ж ей не сказала, что ты скоро в декрет пойдешь. Выходит, подставила Фаину Марковну под монастырь. Но что делать, пришлось... Наверное, поймет меня и простит. Так что наводи марфет, чтоб с утра свежим огурчиком выглядела, поняла? И кисленького чего-нибудь попей с утра, чтоб не тошнило. Ой, забыла совсем сказать! Знаешь, как магазин у этого мужика будет называться?

— Как, мам?

— «Любимый». Ловко придумал, ага? Мол, пойду-ка я в любимый магазин отоварюсь...

— Да. Смешно.

— Ну, нам-то с тобой не до смеха, сама понимаешь. Главное, ты улыбайся этому мужику позавлекательнее завтра, чтоб на работу взял. Ты ведь у меня тоже девка не из последних, все при тебе... Мордашка симпатичная, фигурка ладненькая. По крайней мере, пока...

Не пей вина, Гертруда

На следующий день она познакомилась с директором магазина, звали его Яковом Никитичем. И очень смущалась, когда он ее разглядывал. Так разглядывал, будто лошадь на базаре покупал. Спасибо, что хоть рот не открыл, чтобы зубы проверить...

Взгляд у Якова Никитича был острый как лезвие. И лицо умное, насмешливое. И даже не чувствовалось, что ростом был ниже ее. Может, потому что крепок был, широк в плечах, и голова с порядочными залысинами. Ей вообще показалось, что он в солидном уже возрасте, такой весь дяденька-дяденька. Хотя другие девчонки, которые в тот день на работу устраиваться приходили, шептались меж собой, что ему и сорока еще нет.

Да, сколько же Яше было тогда лет? Если ей восемнадцать, то ему всего тридцать шесть... Молодой ведь совсем! А ей стариком показался. Еще и залысины эти на голове... Противные такие, фу! И взгляд оценивающий, и молчание долгое... Мол, брать эту молодуху или не брать?

Она ж не знала тогда, что Яша на нее сразу запал. Правда, первое время никак себя не проявлял, относился к ней так, как и к другим девчонкам-продавцам. Помнится, как созвал всех на общее собрание, целую лекцию прочитал об особенностях открывающегося магазина. Говорил тихо, спокойно, проникновенно даже:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Как вы сами знаете, наш покупатель давно привык, что ему в магазинах всегда хамят... И хамство продавцов воспринимает как должное. Такова наша реальность, увы. Прибавить к этому еще и обвес, обсчет, плохое качество продуктов... Все это мы с вами знаем и понимаем. И потому будем работать по принципу от обратного. Вместо хамства — улыбка и сплошная радость с искренней вежливостью: ах, мол, какое счастье, что вы посетили наш магазин! Каждому покупателю в первую очередь улыбка и ваше здравствуйте! В буквальном смысле «здравствуйте», вы меня поняли? Вопросы есть?

— Есть... — тихо откликнулась одна из продавщиц. — Я вот не поняла. Яков Никитич, это что же, мы с каждым входящим должны будем здороваться, что ли?

— Да, именно так. Именно с каждым. Без исключения.

— Так они ж это... Они ж оторвутся на нас по полной программе! Они ж не поймут, Яков Никитич! А если они нам хамить будут, что тогда? Уж и ответить нельзя, что ли?

— Нет. Нельзя. Только улыбка, только доброжелательность и понимание в глазах. И вежливость бесконечная, до сахарного сиропа. И не забудьте — каждому покупателю полагается ваше «здравствуйте». Каждому без исключения! Усвойте это обязательно!

Не пей вина, Гертруда

Нервный шепоток пробежал меж продавцов, кто-то даже хихикнул возбужденно, кто-то невольно покрутил пальцем у виска — совсем Яков Никитич ненормальный, что ли? Да где это видано, чтобы продавец в продуктовом магазине с каждым покупателем здоровался? Еще и вежливо улыбался при этом, радость искреннюю источал... Всегда ж прерогативой продавца было хамство, причем искреннее! Да и покупатели сами к такому привыкли... Зачем их с ума сводить такими сногшибательными новшествами? Еще в обморок от удивления начнут падать!

— Я понимаю ваше удивление и возмущение, очень даже понимаю, дорогие мои! — поднял обе ладони Яков Никитич. — Да, такова нынешняя реальность нашей торговли, но наша задача — переломить эту реальность, вот в чем дело! Мы с вами, можно сказать, будем первопроходцами во всем этом... Будем работать так, чтобы покупатель валом валил к нам в магазин... хотя бы поначалу просто поглазеть и удивиться!

— Так ведь они сначала удивятся... А потом нам же и хамить начнут! — снова прозвучал чей-то робкий голосок.

— Да, начнут. Может быть. А вы все равно улыбайтесь. Вас провоцировать будут, а вы улыбайтесь.

— Ну, прям дурдом какой-то получится, а не магазин... Это с нашими психованными

ВЕРА КОЛОЧКОВА

покупателями... Да они ж все ненормальные, Яков Никитич!

— Да, они ненормальные. Да, психованные. Но они несут к нам свои деньги, они делают нашу выручку. И будет так, как я сказал, не надо со мной спорить, ничего мне возражать не надо. Кто не согласен с такими условиями работы, может уйти прямо сейчас.

Яков Никитич замолчал в ожидании, обвел всех долгим взглядом. Ждал. Мол, давайте, давайте, ну же...

Никто не встал и не ушел. Надо сказать, что зарплаты в магазине новый директор установил довольно приличные, побольше, чем в других местах. За такие зарплаты и улыбаться не грех. И здороваться с каждым покупателем тоже можно, если уж такая у него прихоть странная появилась.

— Все, тогда завтра открываем магазин и приступаем к работе! Я думаю, у нас все с вами получится! Если вопросов больше нет, то все свободны, всем спасибо...

Так на другой день и получилось — народ обалдел и от улыбок, и от вежливости, и особенно от этого «здравствуйте» каждому в дверь входящему. И она тоже вместе со всеми улыбалась старательно. И здоровалась. Поначалу неловко было и дико даже, а потом ничего, к концу дня попривыкла...

Не пей вина, Гертруда

Правда, без казусов не обошлось. В середине дня забежал в дверь довольно растрепанный мужичонка, лицо озабоченное, смурное. Она ему от прилавка сразу улыбку подарила и дежурно вежливое «здравствуйте». Мужичонка сначала отпрянул, потом застыл, долго глядел на нее в недоумении. Потом купил что-то, пошел к выходу... И вдруг развернулся, снова подошел к ней крадучись, спросил тихо:

— Слушай... Я не припомню что-то... Мы с тобой были где вместе, что ли?!

— В каком смысле? — удивленно подняла она брови, продолжая улыбаться.

— Да ты прости, я ж говорю, никак вспомнить не могу... Ты ж поздоровалась... Ну, вроде мы знакомы с тобой. Мне ж неловко как-то, что я не помню... Где мы с тобой были-то? У Петьки на хате, что ли?

— А, вот вы о чем... Нет, успокойтесь, нигде мы не были. Это мы теперь с каждым покупателем здороваемся, только и всего.

— Зачем?!

— Что — зачем?

— Ну... Зачем здороваются-то, не понял?

— Ну, как сказать... Из вежливости, из уважения...

— Да ты что? Прямо с каждым?

— Ну да...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Во чудеса... Сроду такого не видывал...
Надо будет всем рассказать, что у вас тут творится!

На другой же день слух о невиданном новом магазине облетел весь городок, и народ пошел пачками, они не успевали товар выставлять, все на ходу сметали. Так и стал магазин со временем в народе любимым. Оправдал придуманное Яков Никитичем Любимовым название...

Да, вот так все было. Теперь улыбкой и вежливостью никого не увидишь, привыкли уж давно к реверансам и подпрыгиванию продавцов вокруг покупателя. А тогда новшеством диким было. И Яша его первым в их городок принес. И она вместе с ним у истоков стояла...

Теперь у Яши уже три магазина «Любимых». Вернее, в их семье три магазина. В одном из них она трудится директором. Точнее, заведует торговым объектом, как давеча Аню поправил проверяющий из трудовой инспекции.

Интересно, почему это к ним всякие инспекции в последнее время зачастили? Опять кто-то жалобы пишет, что ли? Конкуренты балуются? А что, вполне может быть... Сейчас ведь среди всех этих «Монеток» и «Пятерочек» своя война за место под солнцем идет, попробуй удержаться на плаву! Да, надо на эту тему с Яшей поговорить...

Не пей вина, Гертруда

Вот и дорога лесная уже закончилась, в город въехала. Тут уж надо выключаться из воспоминаний, зорко по сторонам глядеть. Хоть и небольшой у них городок, а движение на дорогах... будь здоров.

Аня встретила ее со сдержанным недовольством, которого ни за что и никогда не проговорила бы вслух. Но было недовольство, было... Мол, мы тут крутимся все с утра, а вы, уважаемая Лада Викторовна, изволите до позднего утра почивать, не торопитесь никуда!

— Что там наш трудовой инспектор, Ань? Накопал еще что-нибудь? — спросила на ходу, направляясь в кабинет.

— Да нет вроде... Вы уж сами с ним общайтесь, Лада Викторовна, хорошо? Я боюсь... Вдруг скажу что-нибудь не так...

— Хорошо, Ань. Чего у тебя лицо такое перепуганное? Подумаешь, инспектор...

— Да я не из-за него... Представляете, опять от поставщика бракованная партия тушенки пришла! Все банки в коробках мятые! Что делать будем? Опять возвращать? Жалко, хорошая тушенка, ее быстро разбирают!

— Ну, если разбирают, значит, не будем возвращать. Сделаем небольшую скидку, вот и все.

— Вы думаете? Ну, не знаю... Я бы вот не стала покупать мятую банку, к примеру... Хоть и знала бы, что внутри хороший продукт, а не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стала бы. Тут, знаете, психологический уже момент...

— У тебя, Аня, зарплата позволяет этот самый психологический момент допускать. А другому его зарплата вовсе не позволяет... Для другого этим моментом как раз скидка и будет. Так что делай так, как я сказала, Ань.

— Ну, не знаю... А как же престиж магазина, Лада Викторовна? Вот Яков Никитич всегда говорит, что...

— Здесь я хозяйка, а не Яков Никитич, Анечка. Это мой магазин. Да, юридически он принадлежит Якову Никитичу, но я уже четверть века здесь всем управляю. А Якову Никитичу и без того работы хватает в других магазинах. И все на этом, вопрос исчерпан.

Аня пожалала плечиком, кивнула, вышла из кабинета. Проводила ее глазами, усмехнулась — ишь ты, мол... Яков Никитич ей говорит, надо же! Авторитет непререкаемый...

Хотя надо признать — так и есть. Непререкаемый. И безупречный. Три магазина — три Яшиных детища. Всего себя он в это дело вложил, без остатка.

А с другой стороны... Это ведь и ее детища тоже. А если уж совсем с юридической стороны глянуть... Детища эти называются совместно нажитым имуществом. И никак иначе. В собственность перешли, когда они уже семьей были. Мужем и женой. Так-то вот...

Не пей вина, Гертруда

Странно, почему именно сейчас ей об этом подумалось. Именно в такой день... Ведь особенный день-то сегодня. Година Алешина. Надо будет обязательно на кладбище поехать, как и всегда... Сейчас все дела разгребет и поедет.

Как всегда...

* * *

На кладбище было тихо и ветрено. Пока шла к Алешиной могиле, защищала от ветра купленные по дороге розы — как бы лепестки раньше времени не облетели. Почему-то это казалось очень важным, чтобы донести розы красивыми. Будто Алеша их видеть мог...

Издали еще заметила, что у памятника кто-то есть. По грузной фигуре узнала маму Алеши, Зинаиду Ивановну, свою несостоявшуюся свекровь. А с ней... Кто же еще рядом с ней?

Понятно... кто. Валера с Женей. То есть лучшая подруга Женька с мужем Валеркой. Почему тогда Женька ей не позвонила, не сказала, что они с Валерой вместе с Зинаидой Ивановной на кладбище пойдут? Подруга, называется...

А когда-то они вчетвером дружили, крепкая компания была, сложившаяся с первого класса. Валера был лучшим другом Алеши, Женька — ее ближайшей подругой. Помнится, даже свадьбу собирались играть совместную... Валеру тоже в армию забрали, и они с Женькой

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хотели их верно ждать... Вот и получилось, что Женька Валеру дождалась и замуж за него вышла, а она — нет. Отняли у нее Алешу. В цинковом гробу домой привезли.

Она потом даже на свадьбу к Валере и Женьке не пошла — не смогла как-то. Позже поздравила, хороший подарок преподнесла. Счастья от души пожелала. Да только со счастьем у них как-то кособоко все получилось... Нет, жили, не разводились, но и радости Женьке от Валеры мало перепадало. Пил он все время, крепко пил. И ничего она с этим зеленым змием не могла поделывать. Уж сколько его по врачам водила, сколько раз кодировать пыталась — не счесть. Валера все равно выкручивался, как мог. В итоге Женька рукой махнула — пусть живет так, как хочет. Говорила ей в отчаянии:

— Мне что, больше не на кого силы тратить, Ладка? У меня вон дочь растет! Да я лучше своей Аськой заниматься буду, на музыку ее водить и на кружки, чем Валеру стеречь... Пусть он пропадает, если сам так решил! К тому же он в подпитии не буйный... Наоборот, начинает извиняться и рассказывать, как сильно нас с Аськой любит, как жизнь готов за нас отдать. А что нам такая жизнь боком выходит, сам того не понимает, ага. Знаешь, даже озлиться на него не могу по-настоящему, просто жалею его, дурака. А какой парень замечательный был, скажи?

Не пей вина, Гертруда

— Да, Валерка хорошим был... Красивый такой парень, добрый. И мой Алеша тоже... Вот он бы точно Валерке помог, я думаю. Он его слушал.

— Да ладно... Откуда ты знаешь? Может, и твой Алеша... Знаешь, какими они из Афганистана возвращались? Злыми, нервными, с расшатанной психикой! Может, тебе повезло...

— С ума сошла, Женька? Ты что такое говоришь? Да как у тебя язык повернулся, не понимаю? Да пусть бы он хоть какой пришел, лишь бы живой... Я бы ему помогла, ты что...

— Ладно, ладно, прости! Я ж просто так рассуждаю, безотносительно. Я знаю, как ты его любила. И я Валерку тоже любила... Думала, самой счастливой женой буду, а на деле что вышло? Сама видишь...

— Зато у тебя дочка есть, Жень. Это уже счастье. А я... А у меня...

— Так ты сама виновата, Ладка... Не надо было тебе тогда аборт делать.

— Жень... Ты же знаешь, что я не могла тогда по-другому... Прекрасно знаешь...

— Да, знаю. И все же... Неужели ты после аборта ни разу не забеременела, скажи? Или тебе от Якова рожать не хотелось?

— Да не в том дело, хотелось или не хотелось. Я ж тебе говорила, что мне врач тогда сказал... Что не будет у меня больше детей. Вот их

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и не было... Яков поначалу очень хотел, а я не могла. Потом и он хотеть перестал... Да и не до детей ему было, времена такие пошли — в любой момент бизнес мог потерять. А ему его магазины как родные детища. Он же повернут на своем деле, всю душу в него вкладывает!

— Ну да, ну да... Кому что дано... Кто-то без детей жить не может, кто-то — без дела. Понимаю, что ж. И все же не надо было тебе тогда аборт делать, Ладка!

— У меня выбора не было, Жень. Так обстоятельства сложились, ты же знаешь. И хватит мне душу рвать. Ты мне подруга или ехидна?

— Да подруга, подруга... Твоя подруга — несчастная жена алкоголика, потому и ехидна самую малость. Ладно, не будем больше об этом...

Так и жили они, каждая своей жизнью. И всегда неизменным было правило — в Алешину годину встречаться и его вспоминать. Можно было и не договариваться заранее, все равно в этот день увидятся. Будто Алеша их у себя перед глазами собирал...

Женька первой ее увидела, обернувшись, помахала рукой. Лада подошла, встала рядом с Зинаидой Ивановной, ухватила ее за локоть, сжала слегка. Мол, вот и я пришла помянуть Алешу, ваша невестка несостоявшаяся.

Не пей вина, Гертруда

Зинаида Ивановна локоть из ее пальцев выдернула, отступила на шаг. Вздохнула сердито, сжав губы.

Понятно... Настроение у нее сегодня такое, стало быть. Отвергающее. Не всегда оно таким бывает, из года в год разное в этот день. Может ей на грудь упасть, обнять и зарыдать громко. Как рыдала на Алешиных проводах, приговаривая:

— Ладушка ты моя, родненькая... Уж ты не забывай меня, заходи, проведывай. А как Алеша вернется, свадьбу вашу играть будем. Самой доброй свекровью тебе буду, только дождись моего Алешеньку, дождись!

Да, может и так ее встретить, родненькой Ладушкой назвать. А может вот так отреагировать — зачем сюда явилась, мол. Видеть тебя не хочу...

Наклонилась, положила цветы к памятнику, глянула на фотографию Алеши. На ней он улыбается беззаботно, кажется, будто сказать что-то хочет. И слезы подступили к глазам, смахнула их быстро, неловко покосившись на Зинаиду Ивановну. Надо же, какое у нее лицо твердокаменное, взгляд преисполнен тихим негодованием.

Женька сделала ей знак рукой — не лезь к ней. И Валера тут же засуетился, пытаюсь убрать неловкую паузу:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Теть Зин, девчонки... Давайте помянем Алешку, чтобы все по-людски было... Надо помянуть обязательно, иначе он обидится, что вы. Сейчас я, сейчас... Я все организую в один момент...

Он торопливо извлек из пакета водку, пластиковые стаканчики, раздал их всем, дрожащими руками свинтил пробку с бутылки. Плеснул всем понемногу, себе же налил до краев, так, что даже расплескалось немного.

— Да куда ты столько... Даже закусить нечем... — сердито проговорила Женька, виновато глянув на Зинаиду Ивановну.

— Да пусть, Женечка, пусть... — плаксиво откликнулась та. — Пусть выпьет, помянет Алешеньку... Чай, лучшим другом был... Сколько захочет, пусть столько и выпьет... А закусить можно конфетками, я вот с собой принесла. Алеша любил эти конфетки с мармеладной начинкой. Вот, возьмите. И ты возьми, Валерочка, возьми...

— Да, тетя Зин, я любил Алешку. Да что там говорить... У меня такого хорошего друга больше за всю жизнь и не было.

Валера опрокинул стаканчик, и водка ловко перелилась ему в рот, будто даже и с радостью. Женя тоже выпила, содрогнулась слегка. Лада лишь пригубила, пить не стала.

— Даже и выпить не хочет... — с плаксивой яростью проговорила Зинаида Ивановна, гля-

Не пей вина, Гертруда

нув на нее быстро. — Зачем тогда пришла, тебя и не звали вовсе...

— Я не могу пить, я за рулем. А пришла я не к вам, а к Алеше. Не можете же вы мне этого запретить, Зинаида Ивановна.

Женька сделала ей большие глаза — зачем ты, зачем? Зачем сама нарываешься? Видишь ведь, в каком она настроении, сейчас нападать на тебя будет!

— Думаешь, Алеше так уж приятно, что ты его помянуть пришла? Думаешь, он хочет тебя здесь видеть? Да как бы не так, ага!

— Зинаида Ивановна, прошу вас... Не начинайте, пожалуйста. Здесь не время и не место, чтобы затевать ссору.

— А я ничего и не затеваю... Я говорю так, как есть. И если захочу, так все тебе скажу... Пусть Алеша слышит! Это он ведь из-за тебя под пули пошел, из-за тебя, я все знаю!

— То есть... Как это — из-за меня? И под какие пули, Зинаида Ивановна? Откуда вы это взяли?

— Конечно, из-за тебя... Это ж ясно! Ты его проводила и почти сразу начала со своим Яшкой якшаться! Ему кто-то написал, видать... Вот он с горя под пули и полез! Ты его убила, ты!

— Но вы же сами знаете, что это неправда, Зинаида Ивановна... Зачем вы все придумываете? Я понимаю, как вам тяжело, вы сына поте-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ряли... Но придумывать-то зачем? Столько лет уж прошло, а вы...

— Это я придумываю? Я? Да ты... Да я же столько лет в себе эту обиду ношу... Ты же сразу тогда за Яшку своего замуж выскочила, что, разве не так?

— У меня не было другого выхода, Зинаида Ивановна, поверьте мне. Я ведь все объяснила вам еще тогда... Вы забыли, наверное...

— Да ничего я не забыла, и не надейся! Ты ведь еще и аборт сделала, ребеночек-то Алешин был! Внука меня лишила... Зачем ты аборт сделала, а? Яшка чужое дитя брать не захотел? Так мне бы отдала внука... Я бы вырастила Алешиного сыночка, память бы о нем была!

— Да я ж вам объясняю, не могла я тогда поступить иначе! И вы прекрасно знаете... почему! Мне надо было сестру спасти, я не могла...

— Да ладно сестрой-то прикрываться. Не могла она! Да все ты могла, не захотела просто! Ты моего Алешу убила, ты! Видеть тебя не могу, бессовестная! Уйди, уйди отсюда, с глаз моих уйди!

Зинаида Ивановна зашлась в гнев, смахнула слезы с покрасневшего лица. Валера, воспользовавшись короткой паузой, проговорил примирительно:

Не пей вина, Гертруда

— Ну зачем ты так, тетя Зин... Ни в чем она не виновата. И родила бы, и Алешу бы дождалась, если б его не убили... Вот Женька ж меня дождалась, правда?

— Ну да, ну да... Любит, вот и дождалась. А эта... Да сроду она моего Алешеньку не любила! И зачем только приходит сюда, непонятно... Видать, совесть-то гложет все-таки, вот и приходит! Да только что мне теперь от ее совести, куда складывать-то? В сердце только боль и обида...

— Вы не обижайтесь, Зинаида Ивановна, грех это. Человек помянуть пришел вашего сына, нельзя его гнать. Давайте лучше еще Алешку помянем, друга моего...

Валера улыбнулся жалко, придвинулся ближе к Зинаиде Ивановне, будто боялся, что жена отберет у него из рук бутылку. Женька только вздохнула, отвела глаза.

— Ты выпей, Валера, а я уж не буду... Боюсь, и без того удар хватит, разнервничалась. Выпей, и пойдём с тобой потихоньку... Там ведь такси ждет. А дома я стол накрыла, посидим, помянем. Пойдем...

Валера успел опрокинуть в себя полный стаканчик, выдохнул сипло. Зинаида Ивановна тут же уцепилась ему под руку, грузно развернулась, пошла по дорожке прочь. Женя проговорила тихо:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну вот, Ладка, опять тебе влетело по первое число... Я утром как увидела ее, сразу поняла, что она не с той ноги поднялась. И потому тебе даже звонить не стала. Думала, может, забудешь про годину... А ты тут как тут!

— Да как же я могла забыть, Жень? Я хоть когда-нибудь забывала?

— Нет... Нет, конечно. Надо было мне тебя предупредить, что ли...

— О чем предупредить, Жень?

— Ну, что Зинаида не в духе... Чтобы ты после нас на кладбище поехала. Видишь, как все плохо получилось.

— Да ладно, переживу. Не впервой.

— Конечно, переживешь. Тебе что, с этой Зинаидой Ивановной детей крестить?

Лада взглянула на подругу коротко, отвела глаза. Женя проговорила виновато:

— Ой, опять я что-то не то брякнула, да? Про детей-то...

Лада лишь пожала плечами, ничего не ответила. Чтобы выйти из неловкой паузы, Женя вздохнула насмешливо:

— А мой-то, мой-то Валерка... Видела, как-ков? Лишь бы за бутылку схватиться быстрее, был бы повод! С утра уже копытом бьет в нетерпении. Ну вот что ты с ним будешь делать, а? Так и живу в этом во всем...

— Ладно, Жень... Ты догоняй Валеру с Зинаидой Ивановной, а то она и на тебя тоже

Не пей вина, Гертруда

обидится. А я тут еще побуду немного. Вдвоем с Алешей побуду.

— Ага, поняла... Я потом тебе позвоню или в гости вечерком выберусь. Давно не встречались. Поболтаем...

Женя ушла, и стало очень тихо, лишь было слышно, как ветер перебирает листья кладбищенских берез. Алеша по-прежнему смотрел на нее с улыбкой, как ей показалось, виноватой немного... Мол, не обращай внимания на мать, не обижайся. Надо же ей в кого-то материнской болью плеснуть...

— Да я не обижаюсь, Алеша, что ты... — произнесла тихо и улыбнулась. — Я ж все понимаю. Может, и впрямь твоей маме легче немного станет. Пусть, пусть... Главное, ты спи спокойно, не переживай ни о чем. Я помню тебя, Алеша. Прости меня, прости...

И снова тишина, и снова ветер слова ее подхватил, унес куда-то. Постояла еще немного, потом поклонилась, проговорила тихо:

— Прости меня, Алеша, прости. Пойду я... Редко к тебе прихожу, милый мой, родной. Пойду...

Повернулась, пошла по дорожке к выходу. На душе было грустно и неприятно, очень хотелось поплакать. Или выговориться хотя бы. Надо и впрямь Женьку в гости позвать, давно не встречались. Близкие подруги все-таки...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

* * *

В магазине ее ждал Яша. Сидел за ее рабочим столом, смотрел в экран компьютера. Не отрывая глаз от монитора, спросил недовольно:

— Где тебя носит, интересно? Даже никому не сказала, куда поехала... И на звонки не отвечаешь! Любовника, что ль, завела?

Яша хохотнул коротко, давая понять, что это у него шутка такая. Что на самом деле у него не может быть никаких подозрений, откуда?

Ей даже обидно стало. Что, совсем она в тираж вышла, что ли? И потому ответила немного с вызовом:

— На кладбище я была, Яш. Сегодня година по Алеше, я всегда в этот день на кладбище езжу.

— А... Понятно... И что, плачешь там, наверное? Жалуешься погибшему жениху на свою горькую судьбинушку? Что плохо живешь, что жемчуг у тебя мелок?

— При чем тут жемчуг, Яш! Не все же меряется размерами жемчугов! Иногда люди бывают счастливы просто так...

— А ты, стало быть, несчастлива?

— Я этого не сказала, Яш.

— Да ладно, чего я к тебе привязался... Я ведь не для того приехал. Мне с тобой по делу переговорить надо было. Но теперь уж не успею... Меня в налоговой ждут. Лучше я вече-

Не пей вина, Гертруда

ром к тебе приеду, вот что. Посидим, поговорим... А ты стол накрой красивенько, чтоб со свечами... Со всякими там причиндалами...

— Зачем это, Яш?

— Как это — зачем? Муж я тебе или кто? Может, я по тебе давно уже соскучился? Живем как чужие... Ты в доме, я в квартире. Гостевой брак — это хорошо, конечно, я не спорю... Но это же брак все-таки, согласишься!

— Что, и ночевать в доме останешься? — спросила она с легкой ноткой насмешливости.

— Не знаю еще. Посмотрю на твое поведение. Может, останусь, а может, и нет.

Она промолчала, боясь выдать удивление, смешанное с сарказмом. Эвона как! Он будет смотреть на ее поведение! Не на свои мужские потенциальные притязания, а на ее способности, значит! И ведь не скажешь ему сейчас, что лучше эти самые притязания не озвучивать с такой гордостью... Что там от этих притязаний осталось в шестьдесят восемь лет?

— Ладно, поехал я, и без того опаздываю... — быстро проговорил Яша, выбираясь из-за стола. — А ты готовься, мужа встречай вечером! Часикам к восьми приеду.

Лада вздохнула — вот же приспичило ему... И почему именно в такой день, который принадлежит Алешиной памяти? Но ничего не поделаешь, придется заниматься романтическим

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ужином, будь он неладен. Но сама она не станет им заниматься, попросит все приготовить помощницу по хозяйству. Зря, что ли, она ей хорошие деньги платит. Надо ей позвонить...

Татьяна Васильевна выслушала ее с большой радостью. Вопросы относительно ужина она задавала с энтузиазмом. Заверила, что к половине восьмого будет все готово, и сама она из дома уйдет... Последняя фраза про то, что «сама уйдет», прозвучала как-то излишне интимно, и Лада поежилась от этого панибратства. И ведь замечание не сделаешь, чтобы разом прекратить это безобразие, потому как Татьяна Васильевна, по выражению мамы, «она ж своя». Она ж ее с детства знает...

Домой вернулась ровно в половине восьмого, чтоб уж наверняка не застать Татьяну Васильевну. Нашла записку на кухонном столе, похожую на подробную инструкцию — мол, в духовке мясо доходит, а в холодильнике тортик домашний остывает... Когда холодненький, он более вкусненький. И что цветочки для стола пришлось с клумбы срезать, как же без цветочков-то?

Так и захотелось эту записочку смять и выбросить, чтобы глаза не мозолила. Еще и цветочки эти были последней каплей... Ну зачем, зачем она пошла у мамы на поводу и согласилась на эту Татьяну Васильевну? Вот всю жизнь так... Мама умеет ее достать. И раньше умела,

Не пей вина, Гертруда

и сейчас тоже. Правда, сейчас она с другого бока приноровилась к ней подкрадываться... Мол, я старый человек, нехорошо меня расстраивать, нервы уже не те, сердце не то. Лучше уж уступить старому и больному человеку...

Достала из духовки мясо, попробовала. Оно было отменным, конечно. И тортик, можно не сомневаться, выше всяких похвал. Но отчего-то разозлилась еще больше, будто эта вкуснота была нахально излишней во всей ситуации. Неприличной даже. Было бы лучше, если б она в этот вечер картошки себе отварила, селедки крупными кусками нарезала и опрокинула бы пару рюмочек в одиночестве за помин Алешиной души... И всплакнула бы потом сладко. И спать легла.

Но все получилось так, как получилось. Сама виновата. Как не имела раньше твердого характера, так за всю жизнь этой твердости и не прибавилось.

Вскоре услышала, как к крыльцу подъехала Яшина машина. А вот и он сам появился в гостинной, плюхнулся в кресло рядом с накрытым столом, проговорил довольноно:

— Ишь ты, молодец, и впрямь стол накрыла... И цветочки вон стоят... А где свечечки?

— Давай без свечек, Яш. Ты ж вроде со мной поговорить о чем-то хотел. Вот и будем сидеть и разговаривать... Тебе салат положить? Или сразу мясо будешь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Мясо давай. И коньяк налей в большую рюмку.

— Ты ж за рулем, Яш...

— И что? Может, я ночевать останусь?

— Ладно, как хочешь... Так о чем ты со мной хотел поговорить?

— А чего ты торопишь меня? Дай хоть поесть-то... Вкусно вон как... Сама готовила?

— Нет. У меня новая помощница по хозяйству, она очень хорошо готовит.

— Кто такая? Откуда? Паспорт смотрела? Молодая или в возрасте? Наша или беженка молдаванская? Почему со мной не посоветовалась, прежде чем в дом человека брать?

— Да успокойся, Яш. Почему ты всегда и во всем подвох видишь? Это всего лишь соседка моей мамы по лестничной клетке.

— Понятно. Так молодая она или не очень?

— Не молодая. Ей, по-моему, больше шестидесяти... Она еще учительницей у меня в школе была. Паспорт я не спрашивала, неудобно было. Да и зачем, если я эту Татьяну Васильевну с детства знаю?

— Хм... Интересно! Значит, учительница теперь у тебя на посылках? Балдеешь от этого, да?

— Нет, наоборот, Яш. Мне ужасно неловко, и я долго сопротивлялась. Но мама за нее очень просила... Этой Татьяне Васильевне срочно деньги нужны, внукам помочь надо. Один со-

Не пей вина, Гертруда

брался квартиру в ипотеку взять, другому за учебу платить надо.

— А родителей у этих внуков нет, что ли?

— Есть, почему же... Видимо, не справляются. Я правда не хотела, но мама очень просила, я не смогла отказать.

— Ну да, ты ж у нас такая сердобольная. Давай... устрой в доме пансионат для престарелых, ага. Или фонд для голодающих детей Мозамбика открой. Ладно, что хоть вкусно готовит твоя новая помощница по хозяйству, и то хлеб. Но все равно не нравится мне, что со мной не посоветовалась!

— Я поняла, Яш. Поняла. Прости, пожалуйста. В следующий раз обязательно буду с тобой советоваться.

— Ладно... Да мне все равно, в общем. Это я так, ворчу просто. День сегодня тяжелый был, устал сильно. Еще и к тебе пришлось ехать...

— Так не ездил бы...

— Ладно, ладно! Сразу уж и за слова цепляешься! Я вот о чем хотел поговорить... Я-то всегда с тобой, между прочим, советуюсь! Ведь так?

— Да, Яш. Так о чем все-таки?

— О юбилее твоём... Как отмечать будем, где...

— О господи! Я думала, у тебя что-то важное! А ты про юбилей! Не надо мне никакого юбилея, правда!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Почему это?

— Не хочу... Просто не хочу. Давай узким кругом отметим, без банкетных залов и пафоса.

— Узким кругом — это как? Ты да я, да мы с тобой?

— Нет, почему? Маму еще позовем, Женю с Валерой...

— И будем сидеть и смотреть, как твой приятель надирается, да? Вот уж удовольствие какое... А я же как лучше хотел! Чтобы праздник был настоящий! Банкет закатить! Но почему не хочешь-то? Объясни?

— Не знаю. Настроения нет. Да и что там отмечать, скажи? Пятьдесят лет — не восемнадцать. Начало старости, что ли, отмечать?

— Ну, ты даешь... Настроения нет, надо же! Нашла причину! Да и почему это у тебя настроения нет, интересно? Чего тебе не хватает, скажи? Бедно живешь, копейки до зарплаты считаешь, проблемы у тебя с внуками?

— Да нет у меня внуков, Яш. Зачем ты про внуков-то...

— В том-то и дело, что нет! Ни одной настоящей жизненной заботы у тебя нет, Ладка! А все остальное есть! Ну чего, чего тебе не хватает? Почему у тебя в последнее время рожа кислая, не понимаю? Ты ж всегда такая была... Вроде довольная всем... А в последнее время будто подменили тебя. Может, что-то случилось, а я не знаю?

Не пей вина, Гертруда

— Да ничего не случилось, Яш. Просто... Мне пятьдесят будет, понимаешь? Не двадцать, а пятьдесят. По-моему, я уже заслужила право на кислую рожу. По крайней мере, заслужила право не делать ее натужно счастливой.

— Ничего себе... заявления. Это что же такое ты хочешь сказать? Что ты не жила со мной, а тужилась, что ли? И счастлива не была?

— Ну, смотря как понимать это счастье...

Яша ничего не ответил, только смотрел на нее долго, долго. Потом посуровел глазами, подался вперед, проговорил вкрадчиво:

— А я не собираюсь с тобой про счастье сейчас толковать... Да и сразу не собирался, если уж на то пошло. В общем, я так решил... Юбилей мы с тобой будем отмечать, милая. И очень широко отмечать. И мне все равно, какое у тебя настроение, хочешь ты этого или нет. Считай, так для дела надо. Да и гости званы уже... Сегодня вот, к примеру, начальника налоговой пригласил вместе с супругой. Город у нас небольшой, я тоже человек в нем не последний. Меня не поймут, если я юбилей жены отмечать не стану. Надеюсь, ты поняла меня, да?

— Поняла, конечно. О чем речь. Только мне не ясно... Зачем было спрашивать, хочу я юбилей отмечать или нет?

— Ну как... зачем. Жена ты мне или кто? Я должен был с тобой посоветоваться. И вот еще что... Своих родственников тоже зо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ви, пусть приедут. Я твою сестру имею в виду... И чтобы с мужем приехала обязательно! Если денег на билеты нет, дай им денег. Не впервой ведь...

— Хорошо, я позвоню Лиде. Приглашу их с Игорем.

— И подругу свою зови...

— Женю?

— Ну да. Или у тебя еще близкие подруги есть? Только пусть одна приходит, без своего алкоголика. Он напьется и всю картину мне испортит. А сестре прямо сегодня позвони, чтоб готовилась! Я уж давно ее не видел, какая она стала...

— Хорошо, я позвоню. Я думаю, Лида обязательно приедет. Но Женю я не могу без Валеры позвать, она обидится.

— Ладно, ладно... Делай так, как знаешь. Это же твой юбилей. Можешь хоть весь город созвать, не страшно. В «Маргарите» банкетный зал большой, всем места хватит. Я решил в «Маргарите» все заказать, там более-менее прилично. И управляющий у меня в долгу, я ему денег давал, чтобы сына из неприятностей вытащить. Помнишь ту историю, когда этот самый сынок на машине на тротуар выехал, народу много покалечил? Там денег собрать много надо было, ой, много... Так что расстареется, я думаю. Ты не против «Маргариты», надеюсь?